

Вырезка из газеты

ПРИЗЫВ

27 ДЕК 1966

г. Владимир

Газета №

ТВОРЧЕСКИЕ ПОРТРЕТЫ

ШИРОТА

У КАЖДОГО театрала есть свои любимые актеры. У кого Юлия Борисова, у кого Михаил Козаков, у кого Олег Табаков... А вот заявить, что мой любимый актер — актер Владимирского театра драмы такой-то — это среди владимирцев почему-то не принято. Почему? Ведь в его творческом коллективе есть талантливые, интересные актеры.

В актере меня всегда привлекает одно из самых интересных свойств — свойство перевоплощения. Представьте себе актера, который за период своей деятельности сыграл полсотни настоящих ролей. Я говорю настоящих, потому что, увы, пока еще не всякая роль — характер, тип, личность. Так вот, подумайте об этом актере, который пятьдесят раз перевоплощался в другого человека, жил его жизнью, болел его болью и радовался его радостью. И все это делал правдиво, выпукло, ярко. Такие актеры у нас во Владимире есть. Сегодня мне хочется представить одного из них — Николая Александровича Теньгаева.

Если молодой актер талантлив, то его дальнейшая судьба во многом зависит от той школы, которую он получит на сцене театра. О своей школе Николай Александрович вспоминает с благодарностью. Еще в самом начале актерского пути он почти одновременно играл восемнадцатилетнего Шарля Гранде в инсценировке «Евгения Гранде» и семидесятилетнего Егора Лутонина в пьесе братьев Тур «Семья Лутониных». Молодой актер не совсем понимал еще, зачем его заставляют играть разных по возрасту и по характеру персонажей. Но именно тогда закладывались основы мастерства.

А здесь, во Владимире, Теньгаев с большим успехом сыграл Алексея в «Оптимистической трагедии». Вскоре после этого актер переехал в Великие Луки. Сообщив тамошнему режиссеру о своей последней работе, актер с удивлением узнал, что теперь ему предстоит роль в той же пьесе, но только не Алексея, а... Вожака.

— Я возмущался и протестовал, — рассказывает Николай Александрович. — Я считал это невниманием к себе. Ведь я так много работал. К тому же роль Алексея была высоко оценена в журнале «Театр». А Вожак — это же прямой антипод Алексея. Но спустя

много лет, я тепло думаю о Великолукском театре. Ведь актер без широкого диапазона неполноценен. Задумываясь над этим эпизодом, невольно хочется посоветовать на то, что в нашем театре молодые актеры сплошь и рядом играют роли одного и того же плана, одного направления. Недальновзорко поступает художественное руководство.

Мне довелось видеть Теньгаева почти во всех его ролях на сцене Владимирского театра. Помнится, еще в «Укрощении строптивой» (это было семь лет тому назад) меня поразило совершенно своеобразный комедийный дар актера. Здесь почти не было трюков, шаржирования, плоских выходов. Петруччо, которого играл Теньгаев, привлекал здоровьем, силой, жизнерадостностью. Каждый жест, каждая реплика были наполнены энергией. Сперва казалось странным, что артист буквально мечется по сцене. В конце первого действия он становился как бы одержимым. Брань так и сыпалась из его уст, руки опускались то и дело на слуг, а больше всех доставалось строптивой Катарине. Но чем дальше шло действие, тем яснее становилась тактика актера. Как бы он ни буйствовал, он ни разу не переступил границы комедийного. На лице Петруччо неизменно светилась улыбка, чуть лукавая, но не злая; глаза широко открыты, в них и восторг перед Катариной, и удивление ею.

Хорошо помню и другую работу Теньгаева комедийного плана. Это аферист Круглаковский в пьесе И. Соболева «Хозяин» (сезон 1961—62 годов). Играя мошенника, вобравшего в себя ряд черт Остапа Бендера, Теньгаев создал фигуру настолько колоритную, что невольно возникла мысль: почему бы театру не поставить специально для Теньгаева соответствующую комедию, может быть, даже того же «Золотого тельника».

И, наконец, в прошлом сезоне Теньгаев с успехом сыграл одну из труднейших ролей классического комедийного репертуара — роль Кречинского. Это барин, аристократ по внешности; аферист, мошенник — по внутреннему содержанию. Две противоположные стороны натуры Кречинского Теньгаев умело слил в одно. Не случайно «Свадьба Кречинского» пользуется таким большим успехом у наших зрителей.

Когда беседуешь с Николаем Александровичем, он откровенно признается:

— Хорошая, остро комедийная роль — моя давняя мечта, но есть и другая мечта, не менее близкая и заветная...

В самом деле, ведь есть и другой Теньгаев. Вспомним доктора из спектакля «Забывший всеми», Бахирева из «Битвы в пути», Александра из «Последних», а из более ранних ролей — деда Каширина из «Алеши Пешкова». В недавнем прошлом владимирские зрители видели отличную работу Теньгаева в спектакле «Три долгих дня». Профессор Немчинов импонировал своей внутренней силой, необычайной волей, ярко выраженным характером. Верило сь, что этот человек способен сделать невозможное. Даже смерть отступит перед его могучим интеллектом. В этой работе все было свежее, созданное заново — и голос, и внешность, и жесты. А ведь это весьма важно для владимирского зрителя. Чего греха таить, есть у нас хорошие актеры, которые частенько переносят из спектакля в спектакль одни и те же находки.

— Есть и другая мечта, — продолжает задумчиво Николай Александрович, — хотелось бы сыграть Отелло или, скажем, Уриэля Акосту...

Не знаю, да и никто сейчас не знает, какой получится бы у Теньгаева Отелло. А увидеть хотелось бы. Как удержаться тут от упрека руководству театра — почему, в самом деле, в последние годы мы не видим на афишах имен Шекспира, Шиллера, Толстого, Горького, Чехова? Спектакли по произведениям классиков есть кому играть и уж во всяком случае — есть кому смотреть в нашем городе и области.

Правда, сейчас театр подготовил новую работу — спектакль «Без вины виноватые» по пьесе А. Н. Островского. Николай Александрович играет там роль Муро-ва. Но один этот спектакль не может удовлетворить потребность в классическом репертуаре.

Николай Александрович известен зрителям не только как актер. Им, в соавторстве с другими драматургами, написаны пьесы «Таких шадить нельзя» и «Дело

Кирилла Муромцева». Обе они были поставлены и до сих пор ставятся рядом театров страны.

Пятидесятилетие Советской власти Теньгаев намерен встретить новой пьесой «Я — солдат партии».

Известны и режиссерские работы Н. А. Теньгаева.

Начиная эти заметки, я еще не знал, как они будут озаглавлены. Нужное слово само пришло на ум, когда я перечитал написанное. Конечно, кроме слова «широта», можно было бы сказать и «глубина», и «мастерство», и «опыт», и даже столь высокое, как «талант». Думаю, что все было бы справедливо. Мне только хотелось подчеркнуть главное и, вероятно, наиболее редкое свойство в деятельности актера.

Ю. БЛАНК.

НА СНИМКЕ: Н. А. Теньгаев.
Фото Ю. Боченкова.